

УДК 394.2

Филатова Екатерина Александровна

помощник ректора по воспитательной работе,
Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: pomrekt@yandex.ru

Filatova Ekaterina Aleksandrovna

LAU Rector's Assistant on Educational Work,
Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

КОДЫ ПРАЗДНИЧНОГО РИТУАЛА

FESTIVE RITUAL CODES

Аннотация

В статье рассматриваются план содержания и план выражения праздничного ритуала. Главное место занимают коды праздничного ритуала (событийно-акциональный, коммуникативный, ролевой, пространственно-временной, музыкально-звуковой, цвето-световой, декоративно-оформительский, пластико-ритмический, атрибутный, кулинарный, игровой, эмоциональный), образующие план выражения праздника. Композиционная расположенность кодов ориентирована на передачу сакральных смыслов праздничного ритуала.

Ключевые слова: событийно-акциональный код; коммуникативный код; ролевой код; пространственно-временной код; музыкально-звуковой код; цвето-световой код; декоративно-оформительский код; пластико-ритмический код; атрибутный код; кулинарный код; игровой код; эмоциональный код.

Abstract

The paper dwells upon the festive ritual content and its manifestations. The chief place belongs to festive ritual codes (event-actionable, communicative, role, time and space, musical and sound, color and light, decorative and artistic, plastic and rhythmic, attribute, culinary, game and emotional), which shape expressive manifestations of a festival. Composition of the codes is designed for transferring festive ritual sacral meanings.

Keywords: event-actionable code; communicative code; role code; time and space code; musical and sound code; color and light code; decorative and artistic code; plastic and rhythmic code; attribute code; culinary code; game code; emotional code.

Праздник – явление сложное, исторически изменчивое, многослойное. Он постоянный элемент человеческой культуры, характерный для всех исторических эпох и всех народов земли, на каком бы культурном уровне они ни находились. Следы праздников известны с древнейших времен, так как праздник возникает в символическом пространстве ритуала. Примером могут служить праздники, посвященные культу животных. Пространство ритуала в архаичной культуре выражает сферу сакрального. Ритуалы, не преследовавшие утилитарно-практической цели, представляли собой праздничные ритуалы.

Ритуал в празднике имеет организующее и регулятивное значение и в то же время дает возможность участникам празднества проявить свои творческие способности, реализовать потребности самовыражения [8].

«Ритуал – это каркас внутренней структуры праздника, это то, что нельзя игнорировать, поскольку ментальное поле праздничного пространства не может существовать без привязки к предметам реальности. Невозможно создание коммуникативно-смыслового континуума без синхронизации и объективации праздничной идеи» [2].

Как объективное пространство праздника ритуал предоставляет возможность трансформировать семиотический статус повседневных предметов, а также действий, благодаря чему становится возможной реализация праздника как смыслового

континуума. Кроме того, представляется невозможным создание коммуникативно-смыслового континуума без объективизации праздничной *идеи*. Тем не менее праздник не исчерпывается ритуалом, соблюдение формальной ритуальной структуры праздника не всегда вызывает у его участников праздничное мироощущение и эмоциональный отклик. Ритуал можно признать формой существования праздничной идеи, с помощью чего она может осуществляться как смысловой континуум; необходимой материально-знаковой основой; реализуемых ментальных процессов праздника [2].

План содержания и план выражения являются ведущими планами праздничного ритуала. План содержания включает основные идеи праздничного ритуала.

Так, большой пласт праздников содержательно в ритуале выражает идею обновления мира.

Фундаментальная идея – обновление мира через повторение космогонии – несомненно, является древнейшей, доземледельческой. Она встречается, с неизбежными вариациями, у австралийцев и у многочисленных североамериканских народов. У древних земледельцев мифоритуальный сценарий Нового года включает в себя возвращение мертвых, и аналогичные ритуалы встречаются в Древней Греции, у древних германцев, в Японии и т. д. Важно отметить, что переживание космического времени, особенно в контексте земледельческих работ, породило, в конце концов, идею *кругового времени* и *космического цикла*. Поскольку мир и человеческая жизнь аксиологически осмысляются в терминах растительной жизни, постольку космический цикл осознается как бесконечное повторение одного и того же ритма: рождение, смерть, возрождение [11. С. 45–55].

Периодический возврат не только к событиям прошлого, но и к сакральному вызывает у человека повтор эмоционального потрясения, возрождает в нем уже когда-то пережитые эмоции. Эти эмоции как будто заново помогают обновить мир, несмотря на то что последовательность действий сохраняется. Обновление мира происходит за счет ритуального повторения, однако этот процесс по характеру не радикален, так как по сути своей является не сотворением новой формы, а обновлением старой [3. С. 168]. Обновление мира происходит благодаря усилиям человека, с помощью различных символов и совместных действий участников.

Структуру праздничного ритуала образует план выражения, т. е. различные коды, которые воплощают сакральные смыслы действия. Понятие «код», широко используется в семиотике и этнографии. «Гермин "код" представляет собой некую искусственно созданную структуру, введенную определенной договоренностью. Код заведомо ориентирует нас на искусственно созданный язык, который и должен стать идеальной общепринятой моделью языка. "Язык" же бессознательно вызывает у нас представление об исторической протяженности существования. Язык – это код плюс его история» [6. С. 15].

Кроме того, «код – это модель, являющаяся результатом ряда условных упрощений, производимых ради того, чтобы обеспечить возможность передачи тех или иных сообщений» [10. С. 65].

При передаче сообщения с помощью кодов важно учитывать, чтобы у сообщаемого и принимающим сообщение человеком была единая система кодирования, иначе человек, получающий сообщение, будет трактовать его по-своему. Таким образом потеряется первичный смысл сообщения.

Композиционная расположенность кодов ориентирована на передачу сакральных смыслов праздничного ритуала. В зависимости от комбинации кодов формируется то или иное передаваемое сообщение. Тем не менее праздничный ритуал имеет достаточно устойчивый, определенный набор кодов.

К числу кодов праздничного ритуала мы относим: событийно-акциональный код, коммуникативный код, ролевой код, пространственно-временной код, музы-

кально-звуковой код, цвето-световой код, декоративно-оформительский код, пластико-ритмический код, атрибутный код, кулинарный код, игровой код, эмоциональный код.

Осуществляя параллельно передачу сообщений, эти коды способны обеспечить праздничному ритуалу некую защиту, прочность существования, сохраняя его эффективность при реализации.

Однако в соотношении кодов праздничного ритуала не может торжествовать «равенство» кодов, это неизбежно вело бы к хаотичной организации, как и в музыке, при всей полифоничности оркестра, выделяются главные, стержневые, ведущие инструменты. В иерархии кодов главное значение среди всех символических языков, на наш взгляд, приобретает событийно-акциональный, что обусловлено самой сущностью праздника. Именно он определяет суть праздничного ритуала. Все остальные коды будут выходить на первый план в зависимости от особенностей самого праздничного события.

Таким образом, ритуал, в том числе и праздничный, рассматривается как упорядоченная система действий, которой свойственны определенные структурные признаки: план содержания и план выражения [4].

Событийно-акциональным кодом праздничного ритуала является совокупность, чередование действий, совершаемых участниками праздника, в рамках основополагающего события.

Участники, зрители праздничного ритуала объединяются в **ролевой код**. Каждый проигрывает свою роль, реализует свое предназначение в празднике, будь то жрица, или Снегурочка, или Царь, или просто участник игровых соревнований, или просто зритель, и т. п. Участник праздника совмещает в себе обе ипостаси – исполнителя и зрителя. На образ, созданный автором, накладывает отпечаток его личная жизненная позиция. Тем не менее актер-зритель не просто «примеряет» эту роль на себя, он дает собственную оценку образу. Он является таким же автором образа, как и художественный автор. Актер-зритель далек от созерцателя, он и есть творец.

Большое значение в данном случае имеет модератор, выполняющий в праздничном ритуале роль ведущего. Они являются некими каналами коммуникации между разными мирами, осуществляют связь разных миров, полюсов «своего» и «чужого». Именно они поддерживают гармоничное состояние мироздания. «Модератор», по К. Леви-Строссу, есть элемент, который соединяет разные звенья оппозиций (живое – неживое и т. п.). В праздничном ритуале функция модераторов осуществляется ведущими [5. С. 228]. В современном мире эту функцию выполняют актеры, художники, музыканты, политические деятели и т. д.

Пространственно-временной код обозначает границы времени и пространства праздничного ритуала. Локусы действий образуют пространство праздничного ритуала. В мифологии пространство организовано по принципу противопоставления: «свой» мир – «космос», «чужой» – «хаос». «Чужой» мир или, как его еще называют, «иной» мир связан не только с хаосом, но и со смертью. Эта концептуальная система восприятия пространства определяет роль мифологических границ, например зимы, леса, реки и т. д. Вторая система восприятия пространства – топографическая. Она связана с границами, с которыми человек сталкивается физически: дверь, окно, порог и т. д. Границы в ритуале могут быть взаимозаменяемы [7. С. 91–92].

В праздничном ритуале важное значение приобретают граничные пространственные территориальные символы – дом, дворец, дорога, которые символически означают переход от профанного уровня бытия к сакральному.

С противопоставлением сакрального и профанного связано время праздничного ритуала. В любом общепринятом мифе событие есть проявление начального

времени. В самых примитивных мифологических представлениях имеет значение разделение периодов: современного и мифологического. Все, что связано с эпохой первотворения (первые предметы: первый огонь, первая посуда, первый охотничий нож и т. д.; первые поступки), – относится к мифологическому времени, к тому периоду, когда все было по-другому. Все события и действия, происходившие в период «первоначального времени», являлись неким образцом и рекомендациями для дальнейшего воспроизведения, так как воспринимались на уровне парадигмы. М. Элиаде в основу определения «сакрального» и «профанного» времени современных и архаичных систем мировосприятия прежде всего вкладывает различия, связанные с пониманием времени. В любом обществе время делится на сакральное и профанное. Сакральное время – это особое время, мифическое, время начала. Оно связано с космосом, с ритмами природы. Они являются циклическими и обратимыми. Поэтому для архаичного человека стоят на первом месте. Профанное же время – время обыденности, повседневности, связь с историей. История всегда линейна и необратима» [12. С. 208].

Циклическая модель мира, являвшаяся ведущей в представлениях древнего человека, была истолкована Ю. М. Лотманом как первый этап борьбы с идеей конца мира. Непрерывность бытия с разрывами сознания нуждается в примирении, а вечное бытие природы в оппозиции смерти человека породило идею циклическости, стимулировав образ «смерти-возрождения» линейным сознанием. В ситуации кризиса, в момент стыка старого и нового года, соединяясь воедино в определенной пространственной точке, уже утратив имеющуюся структуру, пространство и время вновь возрождаются. Точкой пространственно-временного возрождения является праздник, само «возрождение» осуществляется благодаря проведению различных ритуалов.

Праздник возвращает его участников «в начало», повторяя ситуацию обновления снова и снова. Из Хаоса во время проведения праздничного ритуала рождается совершенный Космос. Действия участников в начале проведения ритуала противостоят привычным нормам поведения, таким образом моделируется Хаос. Участники как бы отрицают существующий статус всего Старого и ожидают обновленное Новое. Далее, в процессе разделения частей Космоса и Хаоса, через семантическое противопоставление восстанавливается бытие Космоса. Рождается новый идеальный мир, полный надежд на лучшее будущее [4].

Атрибутный код всякого праздничного ритуала образуют символические объекты, которые используют участники в момент его проведения.

Особенность формирования этого кода заключается в том, что любая вещь (специально изготовленная или бытовая) в пространстве праздничного ритуала будет обладать символическими свойствами. Такие вещи используются как знаки.

Такие особые предметы, информация с которых считывается визуально, обладают особыми сакральными свойствами (веточки вербы, чучело Масленицы, новогодняя елка с украшениями, святая вода и т. д.). Появление таких атрибутов в празднике обуславливает кульминационный момент, он становится возможным именно благодаря появлению этого предмета [2]. Реализация смыслов праздника осуществляется взаимодействием его участников с этими символами, которые структурируют ритуальную целостность. Одним из ярких примеров этого процесса является акт посвящения кого-либо. Ритуал посвящения проводится обязательно с использованием знаковых атрибутов (клятва рыцаря на мече). Кроме кульминационного момента, непосредственно клятвы или какого-либо другого действия, ритуал включает подготовку посвящаемого и самого знака к процессу посвящения, а также радостное ликование по поводу успешного завершения церемонии.

Есть в праздничном ритуале и свой **коммуникативный код**. Вербальная его составляющая – это различные тексты, которые произносятся участниками празд-

ничного ритуала. К текстам мы можем отнести клятвы и девизы (индивидуальные и массовые), слоганы, символические фразы, стихотворные вариации и т. д. – всё то, что произносят участники действия. Особенность произносимых текстов заключается в том, что они обязательно связаны с объектами и субъектами, фигурируя в праздничном ритуале, они наделяются магическим значением. Невербальная составляющая коммуникативного кода – характерные жесты, мимика участников праздничного действия, имеющие сакральное значение.

Наличие в праздничном ритуале *звуко-музыкального кода* (пение со словами и без них, исполнение произведений на музыкальных инструментах, воспроизведение немusикальных звуков, все, что можно воспринимать слухом и что имеет сакральное значение) обусловлено соединением музыки со сферой сакрального в различных вариациях представлений о мире. Близость мифологии с музыкой отмечают такие исследователи мифов, как К. Леви-Стросс, А. Ф. Лосев, О. М. Фрейдбергер и др. Звуки, обретающие ритмическую основу, рождают инструментальную музыку и пение. Пение является одним из важнейших элементов праздничного ритуала. Характер песни или произносимые в определенной последовательности звуки зависят от специфики праздничного ритуала. Кроме того, молчание, отсутствие звуков тоже является символическим. У некоторых народов молчание означает принадлежность к загробному миру, миру мертвых, наиболее ярко это демонстрируют обряды инициации. Сакральная значимость музыкального выражения ритуала в архаичную эпоху была наиболее выразительна, так как существовали запреты на игру на музыкальном инструменте в период, не связанный с праздником. Согласно мифологическим представлениям, использование музыкальных инструментов совместно с поэтическими текстами являлось обязательным. Оно составляло содержательную основу праздничных ритуалов: при необходимости оказывало воздействие на праздничный хронотом магии звука или объявляло запрет на таковой. Звуки разного рода разграничивают праздничное пространство в смысловом контексте, помогая человеку ориентироваться при «контакте» с высшими силами (сакральное – профанное, жизнь – смерть и т. п.) [4].

Музыка имеет уникальные возможности. Благодаря им, она проникает в самую глубину человеческой души. Через музыку передаются определенные чувства, настроение, выражается праздничная идея. Музыка способна поддерживать целостность ритуальной структуры.

Декоративно-оформительский код вызван в праздничном ритуале убежденностью в значимости изображений предметов или явлений, дополняющих звукозрительный ряд праздничного существования, его символики, создающих целостное единство праздничного мироощущения. Декоративно-оформительский код составляют разного рода символы (значение которых воспринимается всеми участниками одинаково, например Георгиевская лента), фиксирующие сакральный смысл определенного праздничного ритуального действия.

Пластико-ритмический код выражается хореографическим наполнением. Хореография и пластика обязательно сопровождаются музыкальными средствами выразительности, которые оформляют символическо-коммуникативное пространство праздника. Благодаря пластике и хореографии участники праздника получают возможность самовыражения.

В своем ритуальном значении любой танец является магическим, несущим в себе сакральные смыслы. Семантику танца раскрывают непосредственно сами жесты исполнителей, костюмы и маски, темпоритм и характер движений. Эта структурная единица ритуала, как никакая другая, демонстрирует выразительную мощь человеческого тела.

Кулинарный код всегда был и остается элементом, структурирующим материально-знаковое пространство праздничного ритуала. Магические функции трапе-

зы в празднике выражаются через символику пищи. Принятие пищи есть совместная трапеза, процесс, в котором объединяются только кровно и (или) духовно близкие люди. В период совместной трапезы возможно не только поедание жертвы и ее уничтожение. Процесс употребления пищи может носить эротический семантический оттенок.

Приобретение символичности пищи возможно за счет семантической нагрузки числа: на праздничном столе, например, присутствуют три одинаковых блюда или, наоборот, семь совершенно разных блюд. Пища, приготовленная на основе зерновых культур (например, злаки), несет в себе символическое значение будущей жизни. К той же категории пищи можно отнести семена, горох, орехи и т. п. Отголоски их магической функции можно увидеть в свадебном обряде. При прохождении женихом и невестой особого свадебного пространства, коридора, который образуется из числа гостей, их осыпают зерном, желая тем самым новоиспеченной семье материального достатка и рождения в скором времени детей. В некоторых праздниках главным символом может выступать не только отдельный продукт (пасхальное яйцо), но и готовое блюдо [2]. Одним из ярких проявлений этой традиции является торт со свечами на день рождения. Он выражает главную праздничную идею, радость от происходящего события, всяческое изобилие в жизни именинника, долголетие и процветание его. Количество свечей отражает непосредственно хронологический аспект празднования, раскрывая период роста, взросления, расцвета, полноты жизни или богатого опыта именинника. Кроме того, с тортом связано еще одно очень важное ритуальное действие. Именинник должен загадать самое заветное желание и задуть свечи. Таким своеобразным способом реализуется функция обновления жизни данного конкретного человека.

Цвето-световой код свидетельствует о преобладании, предпочтении той или иной цветовой гаммы праздника, одежды ее участников (белый у невесты на свадьбе, черный на похоронах у родственников и т. п.), а также о включенности «света – тьмы» в ритуальный контекст праздника (свет свечи, пламя костра, свет солнечного дня, подсветка в процессе праздничного действия, происходящего на сцене, и т. п.).

Эмоциональный код праздничного ритуала отражает преобладающие эмоции праздника, способствует формированию праздничного мироощущения, благостного мировосприятия. Эмоциональный подъем участников праздника регулируется праздничным ритуалом. Он способен его контролировать, повышать или понижать по мере необходимости. Эмоциональные переживания в празднике способны помочь человеку пережить не только кризисные моменты жизни общества, но и личные трудности. Наиболее яркое эмоциональное проявление человека в празднике – смех.

Смех как элемент праздника присутствовал еще со времен архаичного ритуала. Он наделял смех жизнотворной семантикой (способы создания и воссоздания жизни). Смех в празднике стирал границы между участниками, объединял их в едином эмоциональном подъеме.

Кроме того, в период праздничного хаоса (кульминация), когда возникает «необходимость» воссоздания порядка на земле, именно смех способен структурировать и привести в привычный ритм социальный и природный космос.

А. Бергсон говорит, что смех является не только областью чистой эстетики, так как преследует своего рода полезную цель общего совершенствования [1. С. 21]. Праздничный смех обновляет внутреннюю природу человека. Он как бы становится добрее, ласковее, веселее. Он создает единое социальное поле равных друг другу людей. Таким образом формируется единая общественная положительная оценка происходящего действия.

Если в архаичном ритуале смех является не комичным проявлением, то в праздничном носит исключительно положительный характер, так как бытие карнавального хаоса всегда комично. Карнавальный смех возвышается над идеалом, он видит и замечает погрешности, он акцентирует на них внимание, он разрешает и «заставляет» смеяться над собой. Ф. В. Шеллинг говорит: «Всякая имитация абсолютности и претензия на нее есть состояние неестественное» [9. С. 509]. Наиболее яркое проявление смеховой культуры наблюдается в средневековом карнавале.

Игровой код праздничного ритуала состоит в том, что праздник, являясь альтернативной формой выражения отношения к миру, основывается на игровых принципах. Праздник, как определенная сфера жизнедеятельности человека, организует свое игровое бытие, в котором свобода – это экзистенциально значимое состояние человека. Организованная специальным образом реальность праздничного ритуала позволяет его участникам прожить несколько жизней, насладиться собственным эмоциональным состоянием удовольствия, прочувствовать различный опыт, который отсутствует в повседневной жизни, перенестись в мир идеалов и смыслов. Символично-игровое пространство праздника позволяет смоделировать способ, благодаря которому становится возможным обретение человеком идеала, его самовозвышение и оценка происходящего события [2].

Игровым кодом является конкретное проявление игры в конкретном празднике: распределение ролей между участниками, их ролевое взаимодействие, непосредственное исполнение этих ролей. От выполнения этих условий будет зависеть «серьезность» игры, а следовательно, достижение результата.

Система кодирования многослойна. Каждый перечисленный код включает в себя еще несколько кодов, можно их обозначить кодами второго уровня. Например, декоративно-оформительский код (первого уровня) включает в себя такие коды второго уровня, как код формы, код цвета, код материала. А звуко-музыкальный код включает в себя код темпоритма, код силы звука, код тональности и т. д. Внутри каждого выделенного нами кода есть своя кодовая система, позволяющая более точно передать желаемую информацию. В задачи организаторов праздника входит правильное и грамотное использование кодов для передачи точной информации празднующим. Нарушая или коверкая кодовую систему праздника, организатор разрушает саму сущность праздника.

Перечисленные коды праздничного ритуала остаются неизменными и в современных праздниках («псевдопраздниках»). Как мы уже сказали выше, событийно-акциональный код – это структурообразующий элемент праздников и «псевдопраздников», вокруг которого формируются все остальные, в его основе лежит событие или «псевдособытие», которое раскрывается посредством определенного ряда действий. Например, пространственно-временной код выделяет место и продолжительность «жизни» праздника, при выборе нет правил и обязательных условий, выделенное пространство само будет формировать правила, оно помогает прочувствовать значимость и смысл события; время же не просто ограничивает праздничную жизнь, оно ориентирует человека по продолжительности «выпадения» из повседневной жизни. Ролевой код: все участники праздничного ритуала персонифицированы, это, прежде всего, связано с ритуальной основой, в ритуале у каждого своя роль и свое предназначение, в современном празднике даже у зрителя есть свое предназначение и обязанности, что и делает зрителя участником. Атрибутный код: символическое выражение праздничного ритуала, мифология традиционного праздника сама формирует набор атрибутов, что же касается современного «псевдопраздника», то атрибуты выполняют функцию демонстрации, они, безусловно, несут свою смысловую нагрузку, но это совершенно не означает, что смыслы являются общепризнанными, наоборот, они как раз раскрываются в самый момент празднования. Эмоциональный код: отсутствие эмоциональной

приверженности участников к событию или к «псевдособытию» (а это определяется «здесь и сейчас», в момент демонстрации «псевдособытия») «убивает» праздничный ритуал, эмоциональное единство необходимо праздничному ритуалу. Игровой код позволяет развиваться действию в рамках заданных правил, не обременяя участников серьезностью. Все действие приобретает игровой характер. Остальные коды, такие как коммуникативный, звуко-музыкальный, декорационно-оформительский, пластико-ритмический, цвето-световой, кулинарный, будут выходить на первый план в зависимости, как уже было отмечено выше, от особенностей праздничного события. Они способны наиболее ярко и эмоционально раскрыть праздничное событие, «псевдособытие», хотя отсутствие некоторых из них не повлияет на жизненную способность того и другого праздничного ритуала.

Итак, структуру праздничного ритуала образуют коды, главенствующая роль которых определяется непосредственно праздничным событием. Благодаря кодам праздничного ритуала осуществляется передача информации участникам праздника, очерчиваются границы и условности возможного празднования.

Литература

1. Бергсон А. Смех. – М. : Искусство, 1992. – 122 с.
2. Гужова И. В. Праздник как феномен культуры в контексте целостного подхода : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13. – Томск, 2006. [Электронный ресурс]. – URL: <http://diss.rsl.ru/diss/07/0098/070098041.pdf>
3. Евзлин М. Космогония и ритуал. – М. : Радикс, 1993. – 344 с.
4. Калужникова Е. А. Паломничество как ритуал (сущность и культурно-исторические типы) : дис. ... канд. культурологических наук : 24.00.01. – Екатеринбург, 2007. – 167 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.disserr.com/contents/165343.html>
5. Леви-Стросс К. Первобытное мышление / пер. с фр., вступ. ст. А. Б. Островского. – М. : Республика, 1994. – 384 с. – (Мыслители XX в.).
6. Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб. : Искусство, 2000. – 704 с.
7. Славянская мифология : энциклопедический словарь. – М. : Эллис Лак, 1995. – 416 с.
8. Тихомирова С. В. Динамика социальных представлений о празднике у современной российской молодежи : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05. – М., 2008. – 186 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.disserr.com/contents/285671.html>
9. Шеллинг Ф. В. Философия искусства / под общ. ред. П. С. Попова. – М. : Мысль, 1999. – 608 с.
10. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.
11. Элиаде М. Аспекты мифа : пер. с франц. – М. : Академический Проект, 2000. – 222 с. – («Концепции»).
12. Элиаде М. Космос и история. – М. : Прогресс, 1987. – 312 с.